

Валентин РАСПУТИН:

Пронзать добротой, чистотой

Сов. Россия. — 1995. — 18 июля.

Дорогие гостеприимные хозяева, дорогие участники и гости пленума. Пленум наш проходит на сибирской земле, я сибиряк, и мне кажется, будет извинительно, если я буду говорить по большей части о Сибири. Нельзя сказать, чтобы за тем монументальным зданием, которое при коммунизме звалось «Дружбой народов», не было чувства жизни, которое отвечало подлинной жизни и подлинной дружбе, а выставлялось, как в музее, — одно изваяние, памятник дружбе. Но лучше всего, чаще всего эта дружба оставалась там, куда не доходило официальное попечение о ней или где оно исполнялось небрежно. Всякое сильное, организационное вмешательство в естественный ход межэтнической жизни кончалось плакатностью пополам с транжирством. То, на что расходовались немалые государственные силы и средства, для чего принимались постановления, проводились кампании, содержались учреждения, делалось часто хуже, чем если оно происходило под общим солнышком само собой. А то и приносило вред, аккумулируя недовольство от методов такой национальной политики, злая энергия которой теперь выплескивается наружу.

Однажды Николай I застал княжон-подростков за гимном «Боже, царя храни!» самого что ни на есть добровольного исполнения. Но государь ласково выговорил княжнам, что государственный гимн на то и гимн, чтобы обращаться к нему лишь по торжественным моментам и не использовать его в качестве тренировочного снаряда. Приводя этот случай, русский писатель Василий Розанов прибавляет: «Чувство Родины должно быть великим горячим молчанием». Но это чувство должно быть молчанием только в том случае, когда действительно вокруг благополучие, когда мирная жизнь. Если же этой мирной жизни нет, когда мы живем в такое переломное время, как сейчас, молчать — это преступно. Нужно добиваться этого чувства, действительно чувства своей Родины. Для россиянина, и сибиряка в том числе, чувство Родины не может не включать в себя межнациональное благополучие. При спокойном течении здесь политика по отношению к нему должна быть молчаливо-охранительной, осторожной, без попреков, но никогда — силовой, чтобы доброкачественная опухоль не переросла в недоброкачественную.

Я родился и вырос в местах, где русские живут вместе с бурятами. Никогда никакого антагонизма между нами не водилось. Не принимать же, право, за антагонизм естественную для каждого этноса самоулюбленность и отсюда некоторую отстраненность, которая происходит из инстинктивных самоохранительных начал. Или не принимать же за антагонизм детские обиды и драматизмы. Жили подобно сводным братьям, сведенным самой матушкой-землей. Все работали, вместе гуляли, а взаимные ссоры между русскими и бурятами случались значительно реже, чем русских с русскими и бурят с бурятами, срабатывал чуткий механизм предупреждения.

Все буряты, одни лучше, другие хуже, говорили по-русски, а мы все знали необходимость для объяснения и уважения набор бурятских слов. И я ничуть не удивился, когда встретил у русского писателя книгу названную бурятским словом «Отхон», то есть поскребшью, последний ребенок. В этом не было ничего нарочитого ради дружбы, а просто выразительное слово влезло в плоть русского человека и сделалось незаменимым. В

наших местах, например, такой известный продукт, как самогон, никогда не назывался русским словом «самогон», а назывался «тарасунь». К этому просто все привыкли.

В Иркутском университете 50-х годов, пожалуй, больше половины нашего филологического факультета состояло из бурят и якутов. Было бурятское отделение, готовившее учителей и специалистов бурятского языка и культуры. С эстрады читались стихи:

Хоть русский я, но
очень рад,
Что был рожден среди
бурят,
Что вырос я среди
степей
Бурят-Монголии моей,—

и никому в голову не приходило заподозрить их автора

якутский коллега. Или его эвенкийский коллега. Русские пришли на Байкал три с половиной столетия назад, а до того миновали примерно такие же сроки, как последние якутские роды отошли на Север, на Средненеленские кочевья. Еще более древними обитателями этих мест являются тунгусы. Сибирь вся от начала и до конца в такой этнической пестроте, что в родословной каждого ее племенного оттенка разобраться не просто. Постоянное перемещение, переливание, объединение, членение родов, право сильного и право природы по отношению к своим детям, ведомое в конечную справедливость, — все это переплелось тесно и дало результаты, с которыми следует считаться. Каждый народ, и тот, что поднялся на вершины множественности и организованности. И

этом, и в другом случае — не густо на исполнинское пространство. Такой силой Сибирь было не удержать. И внутри государства не выстроить. Не миновать было входить под чью-то власть. Другое дело — под чью? Смешиваться ли Азии с Европой или, напротив, Азии усилиться Азией?

Что бы ни выдумывали о русском человеке, какие бы небывали о нем ни сочиняли, признается самой историей, практикой его государственного строительства, что русский народ чрезвычайно уживчивый, широкий в своих братских чувствах. Достоевский называл это «всемирностью» русского человека. Философ Бердяев — «коммунитарностью», открытостью для совместной жизни. Сибирь доказала это еще раз. Уже первопроходцы легко находили общий язык

Якутии то ли к Аляске, то ли к Турции или куда-то еще. Националистическая претенциозность не миновала, кажется, ни один народ совершенно. Но дурман от непривычки к разумной свободе постепенно проходит. Трезвые головы сейчас начинают брать верх. Можно играть и по-прежнему в западную демократию, можно, отказываясь от «империалистического» русского языка и продолжая пренебрегать своим, бросаться к английскому с упрямством, без надежды на урожай, можно сеять семена собственной самодержавности, но вековую сраженность с Россией без трагических последствий разорвать, мне кажется, нельзя. Да и не нужно, очевидно. Когда-то, в конце прошлого — начале нынешнего века, много шума в мире наделал проект Транс-Аляс-

ее президент издает указы о попечении искусства, литературы, образования, создаются фонды поддержки искусств, приятно слышать о том, что в Республике Башкортостан строится каждая четвертая школа правительством и тоже существует поддержка искусств, — мы в России пока так похвалиться не можем, к сожалению. Но я хотел сказать вот о чем: когда Равиль Бикбаев поправляет Ганичева в том, что уже не съездить нам по автономным республикам, что это теперь уже суверенные государства, мне кажется, что опять происходит подмена понятий: да, президент России предложил глотать суверенитета столько, сколько проглотите, но вдумайтесь в этимологию слова «автономия», это же — «Я, носящий имя, я, сохраняющий имя и живущий национальным». И суверенитет — это же подчиненность! Так уж, может быть, не стоит делать поправки или по крайней мере не считать, что суверенитет — это выше, самостоятельное, охранительное, что ли. Сейчас едва ли это так. Сейчас опять наступает время литературы. Оно, разумеется, никогда не проходило, но та роль, которую сыграла часть нашей литературы на разорение, на разрушение России, она была перенесена на всю литературу, и несколько лет подряд народ отказывался слушать нас. Я не могу сказать, что он отказывался читать наши книги, но книжные магазины, лотки были завалены чужой литературой, развратной литературой, грязной, ядовитой. Сейчас приходит уже другое время. Сейчас читатель снова ищет отечественную литературу, литературу на родном языке и не может уже без нее обойтись. Он пресытился тем, что ему предлагают, пресытился и отравился. И мы должны понимать, что обязаны дать читателю ту пишу, в которой он нуждается. Это другие уже люди. Мы находимся уже в другом государстве. Мы за эти десять лет прожили уже целый век, может быть, не заметив этого. Прошло действительно столетие, потому что только за столетие мог так измениться человек. Поэтому и писать мы должны по-другому, совсем по-другому, так, чтобы наше слово пронзало добротой и чистотой. Только этим можно сейчас взять читателя за живое. Писать так, чтобы это слово призывало нас к единению, к русскому единению, потому что поодиночке нам все равно не выжить. Какими бы богатствами ни владела каждая отдельная земля, все равно ей в конце концов не выжить. И самое главное — без национального чувства литературы сейчас быть не может. Только тогда можно стать известным на весь мир писателем, когда в тебе звучит национальный голос, когда ты говоришь о бедах своего собственного народа, не замыкаясь, а вынося свою боль на широкую мировую трибуну, существуя в контексте мировых событий. Мне очень понравилась блестящая, как мне кажется, статья Владимира Бондаренко, посвященная последнему роману Чингиза Айтматова. Пока Айтматов был национальным писателем, пока говорил о своем народе — он был известным на весь мир писателем. Когда же он поставил перед собой цель как «гражданин мира» создать роман мирового масштаба о мировых проблемах — он сузился и потерял себя как писателя.

Чтобы эта участь не постигла и нас, надо оставаться национальным писателем, но, оставаясь национальным, мы должны помнить чувство локтя, с которыми приехали сюда, должны понимать, что без этого ничего у нас не получится, ни книги наши не дойдут до читателя, ни государства наши не станут зажиточными, ни справедливости не восторжествует. Только вместе! Вместе и до победного конца!

Рыцари духовного наследия

В. Распутин и Г. Свиридов.

Фото К. КОНКИНА.

в неискренности. По весне в городском парке собирался огромный... в несколько сот человек круг за «Ехарт», бурятским национальным танцем. Все мы: и русские, и буряты, и якуты, и татары — водили этот круг за древним мотивом степняков. Позднее как-то незаметно прекратился «Ехарт». Пошли организованные дни бурятской литературы, якутской литературы с неперенной выкладкой достижений. Несколько лет назад американский композитор Пол Интер, которому я составил компанию в его путешествии по Байкалу, решил на острове Ольхон, давней бурятской земле, послушать и записать бурятские песни и танцы. Вечером мы собрали местную молодежь возле шаман-камя, ольхонской святыни. Произошло неожиданное даже для меня — ни песен, ни танцев своих молодые буряты не знали. А многие из них не знали и языка. Я испытал стыд пополам с ужасом, будто я онемел. Начались интересные речи потеврявших свой язык. Несколько месяцев спустя после моего ольхонского потрясения прибавилось еще одно. На очередных днях бурятской культуры мой коллега, бурятский писатель, пишущий, кстати, по-русски, когда его представили как нашего гостя из Улан-Удэ, заявил: «Эта вы все здесь у меня в гостях, потому что это моя родовая земля, а вы пришельцы». Есть о чем поразмышлять, и хорошо бы, чтобы это делалось всеми — старыми и новыми насельниками Сибири. То же самое, что сказал мой бурятский коллега, может с тем же правом сказать ему его

тот, что остался в малочисленности, заслуживает любви и дружеской руки человечества уже потому, что он есть и человеческое многообразие без него обойтись не может. Но история продолжает, и переливания, перерождения не закончены. Это и к ней, к истории, счет за то, что она делает таинственную перемену лиц. Это счет и к большому народу, волею судьбы взявшему под опеку своего государственно-го образования малый. (Я пользуюсь старыми терминами.) Он, большой народ, принимает их дух в свой дух, их плоть в свою плоть. Как и они сытыя им. Но это вбирание должно быть взаимно полезным. Но и это, и счет каждого народа к самому себе за способность к жизнестойкости, которая прежде всего в духовном единстве. Как только народ теряет свои предания, а еще хуже — язык свой, он превращается в запас другого, более сильного народа. Знаете, чем проверяется твердость каждого народа? Не благополучием, о котором мы обычно говорим, не тем, что мы пытаемся очистить свою национальность, пытаемся улучшить ее, да не оружием даже — а таким вот фактом: соберите случайных, неподготовленных 20—30 человек и заставьте их спеть народные песни. Если споют — крепко этот народ. Если не споют — нет. И не поможет ничто, ни указы, ни что бы то ни было другое. Вот это, может быть, самое главное.

Ко времени появления в Сибири русских своего собственного коренного населения в Сибири было, по одним подсчетам, 217 тысяч, по другим — 288 тысяч. И в

с аборигенами, царское правительство освободило их от воинской повинности, в спорах местная администрация по большей части брала сторону инородцев. Бесхитрое дитя природы чуток терпел от произвола воеводско-губернаторской братии, от бессовестного надувательства промышленника и купца, но этот всечеловеческий хищнический тип неистребим и не имеет национальности. И все мы одинаково, русские — не меньше других, а даже больше, страдали от тяжелой вселенской длани коммунизма, трудящейся над выправкой каждого человека на одну колодку. Счет должен быть справедливым. Его нужно предъявлять к цивилизации в тех формах, которые нам достались, в формах массового инквизиторского обезображивания души под эгидой «прав человека». Никакое «цивилизованное» государство, получив тюменскую нефть, ухом не повело бы, отвечая на жизненно важный вопрос симпатичного инородца — быть или не быть ему с разработкой месторождения на его родовой земле. Говорится это не в оправдание «русской Тюмени», а в указание на принятое всюду якобы мягкое право на произвол с теми же самыми результатами. В последние перестроечные и постперестроечные годы по Сибири погуляли всякие общественные ветры, которые надули мысли и движения: то отдельно от России за соединенные штаты Сибири по образцу США, то за самостоятельное в границах прежней автономии государство, то за присоединение Бурятии к Монголии, а

кой сибирской дороги, которую предполагалось вести севернее Транссиба. Строительством брали на себя западные фирмы, в основном американские. Условие было пустяковым: полоса отчуждения вдоль всей трассы шириной восемь миль в каждую сторону. Это составляло почти 300 тысяч кв. км. Всего-то! Восемь миль — туда, восемь — обратно, а целое государство: 300 тысяч кв. км! И с правом распоряжаться по своему усмотрению. В российском правительстве высказались сторонники проекта, тоже, надо полагать, небескорыстно. Но проект не прошел. Противники этого проекта, не склонные торговать Сибирью, все-таки победили. Два года назад впервые было запущено предложение американского экономиста Милда о том, что неплохо было бы продать Сибирь Соединенным Штатам. Год назад это предложение повторилось, уже в более определенной форме. Определены границы — от Енисея до Тихого океана предлагалось создать семь американских штатов со всеми правами жителей Америки. Назначается цена уже — 5—6 триллионов золота. Однажды, когда я назвал эту цифру при Василии Белове, он поправил меня: миллиардов! Нет, триллионов. Это очень мало. За Сибирь, которая сейчас является, может быть, самым главным богатством всего мира! Можем оказаться Якутским штатом или штатом Саха — стоит перед нами и такая перспектива! Но согласимся ли мы все-таки с этим?!

Здесь, в Республике Саха, приятно было слышать, что

Выступление Валентина РАСПУТИНА на пленуме Союза писателей России (18 июня 1995 года в Якутске).